

Донесенія датскаго посланника Гакетгаузена о царствованіи Петра III и переворотъ 1762 года.

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой ¹⁾.

С.-Петербургъ, ^{29 декабря 1761 г.}
9 января 1762 г.

Ваше превосходительство, съ чувствомъ искренней благодарности я сознаю, какъ безконечно обязанъ я вамъ за доброту, съ которой вы исходатайствовали мнѣ разрѣшеніе короля порвать опасную связь съ Императрицей, образовавшуюся у меня вслѣдствіе посредничества въ ея секретной перепискѣ ²⁾. Я воспользовался бы уже съ радостью этимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ, если бы меня не останавливали нѣкоторыя видимыя соображенія. Способъ взяться за это дѣло, который ваше превосходительство любезно указали мнѣ, безспорно очень хорошъ, и я не поколебался бы привести его въ исполненіе самымъ точнымъ образомъ, если бы не опасался живости характера Ея Величества, которая никогда не простила бы мнѣ этого поступка, и если бы я не нашелъ другого способа. Предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства принять или отвергнуть его, но я смѣю надѣяться, что именно этимъ способомъ все произошло бы не иначе, какъ съ одобренія самой Императрицы, безъ всякой отвѣтственности съ моей стороны и

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ ноябрь 1914 г.

²⁾ Рѣчь идетъ о перепискѣ Императрицы Екатерины II съ бывшимъ польскимъ посланникомъ въ Петербургъ, впоследствии королемъ польскимъ, Станиславомъ Понятовскимъ, который пользовался расположеніемъ Екатерины во время пребыванія своего въ Петербургѣ.

безъ возможности заподозрить, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ нашъ дворъ. Между тѣмъ, если бы поступить по способу, предложенному вашимъ превосходительствомъ, то Императрица не только была бы задѣта за живое тѣмъ, что ее лишили возможности поддерживать интересующую ее переписку, но и была оскорблена, получивъ отъ меня неожиданно извѣщеніе объ этомъ.

Ваше превосходительство соблаговолили обратить вниманіе, по моему письму отъ 7-го августа, что это г. Шумахеръ пишетъ ей всякій разъ, когда есть письма, которыя надо ей передать, и что, слѣдовательно, я участвую въ этомъ дѣлѣ только косвенно, черезъ слугу, доставляющаго письма и котораго я содержу. Это обстоятельство, тѣмъ не менѣе, не умаляетъ той опасности, которой я подвергаюсь въ случаѣ, если бы дѣло открылось.

Итакъ, Императрица, получивъ отъ меня подобное извѣщеніе, стала бы желать мнѣ зла и для того, чтобы отомстить, изыскивала бы, конечно, средства повредить мнѣ и усугубить неприятность и затруднительность моего положенія; ея гнѣвъ обратился бы не противъ одного меня, такъ какъ она слишкомъ умна, чтобы тотчасъ же не сообразить, что я не сдѣлалъ бы подобнаго того по собственному почину, не получивъ на то приказанія или разрѣшенія.

Для того, чтобы отвлечь подозрѣнія Императрицы отъ насъ, самымъ лучшимъ средствомъ, какъ мнѣ кажется, было бы—сообщить ей это извѣстіе черезъ посредство г. Остена, съ которымъ у меня условленъ шифръ. При этомъ необходимо, чтобы ваше превосходительство приказали ему сообщить Императрицѣ, какъ-бы подъ большимъ секретомъ, что ему достоверно извѣстно, что я буду отозванъ отсюда и что онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить ее объ этомъ для того, чтобы она, въ виду настоящаго критическаго положенія, не продолжала бы посылать свои письма черезъ посредство г. Шумахера, такъ какъ теперь за нимъ и за мной слѣдятъ больше, чѣмъ когда-либо, что онъ очень затрудняется найти какой-либо другой вѣрный путь для ея переписки, но что, тѣмъ не менѣе, онъ не теряетъ надежды найти такой путь, а тѣмъ временемъ будетъ ожидать высочайшихъ распоряженій и указаній, какой способъ она находитъ наилучшимъ для этой цѣли.

Несомнѣнно, что она приметъ это извѣстіе отъ г. Остена лучше, чѣмъ отъ кого бы то ни было другого, и онъ можетъ даже сдѣлать видъ, что съ его стороны это—заслуга, и сказать,

что онъ полагалъ своей обязанностью, по чувству привязанности къ ней и своему усердію, сообщить ей это извѣстіе.

Есть еще другой способъ благополучно покончить съ этой опасной перепиской, но мнѣ кажется, что способъ этотъ представляетъ нѣкоторыя опасности и затрудненія. Онъ заключался бы въ слѣдующемъ: я отправилъ бы слугу, который передаетъ письма, въ Данію, послѣ чего г. Шумахеръ написалъ бы Императрицѣ, что такъ какъ этотъ человѣкъ показался намъ подозрительнымъ, то мы вынуждены были въ виду сохраненія тайны поскорѣе удалить его отсюда. Этотъ способъ извернуться казался мнѣ сначала наиболѣе удобнымъ, но затѣмъ я долженъ былъ признать трудности его выполненія. Этотъ человѣкъ родился здѣсь и не имѣетъ никакого желанія переселиться въ другое мѣсто, и такъ какъ онъ уѣхалъ бы отсюда противъ своего желанія, то кто могъ бы поручиться, что, прежде чѣмъ покинуть Россію, онъ не раскрылъ бы всего этого дѣла, или же, послѣ того, какъ онъ отсюда уѣхалъ бы, онъ ненашелъ-ли бы возможности вернуться обратно для того, чтобы выдать тайну? Если бы даже при помощи денегъ и обѣщаній -- и удалось бы уговорить его уѣхать, то онъ могъ бы отправиться только моремъ и слѣдовательно не ранѣе мая или іюня.

Изложивъ такъ подобно свои соображенія, я предоставляю вашему превосходительству рѣшить, какой изъ этихъ способовъ я долженъ буду избрать. Но если вы предполагаете, что пребываніе мое здѣсь будетъ кратковременнымъ, то, мнѣ казалось бы, что самымъ лучшимъ было бы не прибѣгать ни къ одному изъ тѣхъ способовъ, которые я предложилъ, и предоставить дѣлу идти своимъ порядкомъ, но при отъѣздѣ отсюда взять съ собой того человѣка, о которомъ я говорилъ. Но если ваше превосходительство думаете, что мое пребываніе здѣсь продлится болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ сообщить мнѣ, желаете ли вы, чтобы я или г. Шумахеръ написали Императрицѣ согласно вашимъ указаніямъ, или же вы предполагаете воспользоваться моею мыслью, поручивъ это сдѣлать г. Остену, или же, наконецъ, вы предпочитаете, чтобы я порвалъ связь съ Императрицей, отославъ слугу, о которомъ идетъ рѣчь.

Мнѣ остается еще сказать вашему превосходительству, что пользуясь этими сношеніями съ Императрицей, г. Шумахеръ, въ согласіи со мной, сдѣлалъ послѣднюю попытку узнать—нельзя ли изъ этой опасной переписки извлечь пользу для нашего дѣла. Съ этой цѣлью онъ отправилъ Императрицѣ предлагаемые

два документа, но, къ несчастію, вслѣдствіе того, что она не пользуется довѣріемъ Государя, своего супруга, и не имѣетъ на него вліянія, документы эти имѣли столько же успѣха, какъ и всѣ предвѣдущія попытки дѣйствовать черезъ посредство Императрицы.

Судить объ этомъ ваше превосходительство можете на основаніи писемъ Государыни за № 1 и 2; будьте такъ добры обратитъ вниманіе, что письмо № 1—отвѣтъ на письмо, которое вы написали Императрицѣ съ послѣднимъ курьеромъ.

Такъ какъ въ значительной своей части письмо это было написано еще за три мѣсяца до смерти Императрицы, то я долженъ замѣтить, что теперь мы подвергаемся еще большей опасности, и тайна можетъ быть легче обнаружена, такъ какъ я предвижу, что эта переписка не только не сократится, но станетъ еще болѣе оживленной, и такъ какъ я имѣю основаніе предполагать, что теперь за каждымъ шагомъ моимъ будутъ слѣдить больше, чѣмъ когда-либо, то подозрѣнія, которыя возбуждаютъ такія частныя шифрованныя письма Шумахера нашему посланнику въ Польшѣ, могутъ повести къ раскрытію истины.

Итакъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ самыя точныя приказанія короля и тѣмъ самымъ придать увѣренности моимъ поступкамъ.

Притиска. До сихъ поръ, какъ ваше превосходительство должны были ясно видѣть, наша связь съ Императрицей еще не порвана.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, $\frac{30 \text{ дек. } 1761 \text{ г.}}{10 \text{ янв. } 1762 \text{ г.}}$

Ваше превосходительство, до отъѣзда настоящаго курьера, который не могъ выѣхать до сихъ поръ отсюда, вслѣдствіе того, что у него не было паспорта, мнѣ удалось узнать еще слѣдующія новости.

Императоръ рѣшилъ и уже отдалъ приказаніе—отпустить на свободу всѣхъ прусскихъ плѣнныхъ, предложивъ имъ вступить въ ряды его голштинскаго войска, которое постепенно будетъ увеличено двѣнадцатью полками.

Ходятъ слухи, что Императоръ просилъ уже у прусскаго короля разрѣшенія пройти чрезъ его владѣнія 70-тысячной Русской арміи ¹⁾, но я полагаю, что эта новость недостаточно обоснована или, по крайней мѣрѣ, преждевременна.

¹⁾ Для похода въ Датскія владѣнія. Гакстгаузенъ хорошо зналъ, что Петръ III мечталъ о войнѣ съ Даніей, чтобы отобрать отъ нея для Голштиніи Шлезвигъ.

Уже ходять по городу слухи, что Императоръ недавно, въ присутствіи двора, сказалъ мнѣ нѣчто очень рѣзкое и непріятное, но между тѣмъ это совершенно ложно.

Князь Дашковъ, офицеръ гвардіи, beau-frère M-lle Воронцовой посланъ въ Константинополь.

Графъ Гордтъ ¹⁾ со вчерашняго дня пользуется свободой.

Кромѣ денегъ, Императоръ подарилъ m-lle Воронцовой ²⁾ болѣе чѣмъ на 50 тысячъ рублей драгоценностей.

Генералъ Панинъ ³⁾, братъ оберъ-гофмейстера великаго князя, назначенъ генералъ-губернаторомъ прусской провинціи вмѣсто генералъ-поручика Суворова ⁴⁾.

Русскій посланникъ при польскомъ дворѣ генералъ-поручикъ Воейковъ ⁵⁾ получилъ чинъ маіора гвардіи.

Вчера камергеръ Шуваловъ въ первый разъ послѣ кончины Императрицы исполнялъ свои придворныя обязанности.

Императоръ объявилъ старшему Разумовскому, фельдмаршалу, что онъ сохраняетъ за нимъ всѣ его должности и чины и предоставляетъ ему и на будущее время владѣть всѣми его имѣніями и большими земельными угодьями, какими онъ пользовался до настоящаго времени, при чемъ Императоръ приба-

¹⁾ Графъ Гордтъ, шведъ по рожденію, полковникъ прусской службы, оставилъ „Записки“.

²⁾ Графиня Елизавета Романовна Воронцова (1745—1792), по общему отзыву современниковъ, не отличалась ни красотой, ни умомъ. Толстая, съ грубыми чертами лица, Воронцова умѣла однако привлечь къ себѣ Петра III, отличавшагося казарменными вкусами, и сдѣлалась его любовницей. Въ это время она была еще слишкомъ молода (ей было всего 16 лѣтъ), чтобы играть самостоятельную роль, и была орудіемъ другихъ опытныхъ въ интригахъ лицъ. По своей наивности, въ ссорахъ своихъ съ Петромъ III, она даже обращалась иногда за содѣйствіемъ къ самой Императрицѣ, своей соперницѣ. По восшествіи своемъ на престолъ Императрица Екатерина отнеслась къ „Романовнѣ“ снисходительно и выдала ее замужъ за камергера Полянскаго, а рожденную отъ этого брака дочь пожаловала фрейлиной.

³⁾ Генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789), впоследствии генералъ-аншефъ, отличившійся боевыми заслугами въ битвахъ съ Фридрихомъ II, королемъ прусскимъ, при Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ, братъ Никиты Ивановича Панина. Оба брата Панины, воспитанные въ Лифляндіи матерью-нѣмкой, извѣстны были нѣмецкими своими симпатіями и не пользовались расположеніемъ Екатерины II.

⁴⁾ Суворовъ, Василій Ивановичъ (1705—1778), отецъ генералиссимуса.

⁵⁾ Федоръ Матвѣевичъ Воейковъ (1703—1778), генералъ-аншефъ, впоследствии кievскій генералъ-губернаторъ.

вилъ, что если бы у него было еще какое-либо желаніе, то ему стоять только его выразить и оно будетъ исполнено ¹⁾).

Отставка гофмаршала графа Сиверса ²⁾ болѣе или менѣе предрѣшена.

Императоръ послалъ въ подарокъ принцу Георгу Голштинскому 10 тыс. рублей, съ приказаніемъ немедля ѣхать сюда. Великій князь Павелъ Петровичъ, какъ говорятъ, опасно боленъ.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, 1—12 января 1762.

Надѣюсь, что курьеръ Петерсенъ, котораго третьяго дня вечеромъ я имѣлъ честь отправить къ вашему превосходительству, пріѣхалъ благополучно и задолго до отправленія настоящаго письма. Я могъ бы его отправить на 24 часа раньше, если бы дѣла канцлера, которыхъ теперь у него такъ много, не мѣшали ему выдать курьеру паспортъ своевременно.

Хотя я и очень подробно сообщалъ вашему превосходительству о замѣчательныхъ событіяхъ, совершившихся за послѣднюю недѣлю, и обо всемъ, что я имѣлъ возможность узнать и передать вашему превосходительству, однако мнѣ остается сообщить вамъ еще нѣсколько любопытныхъ происшествій и обстоятельствъ, а также исправить и дополнить тѣ изъ нихъ, которыя я не могъ достаточно хорошо уяснить за краткостью времени и обиліемъ другого, болѣе важнаго матеріала. Поэтому я прошу ваше превосходительство извинить меня за то, что въ распредѣленіи матеріала, сообщаемаго мною въ послѣднихъ депешахъ, нѣтъ того порядка, который я хотѣлъ бы соблюсти.

Тотчасъ послѣ того, какъ наступила смерть Императрицы, Императоръ, наканунѣ ужинавшій у камергера Шувалова и уже

¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій (1709—1771), генералъ-фельдмаршалъ, фаворитъ и, если вѣрить преданію, даже морганатическій супругъ Императрицы Елисаветы Петровны. Во вторую половину ея царствованія замѣщенъ былъ въ ея милостяхъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Добродушный, но малограмотный хохолъ, Разумовскій вовсе не вмѣшивался въ дѣла правленія, жилъ широко и весело, сосредоточивая свои заботы на возвышеніе и обогащеніе своихъ малороссійскихъ родичей. Изъ нихъ младшій братъ его, графъ Кириллъ Григорьевичъ, получилъ европейское образованіе и изъ доли пастуха возвысился до званія президента академіи наукъ, сана генералъ-фельдмаршала и былъ гетманомъ малороссійскимъ.

²⁾ Графъ Карлъ Ефимовичъ (1710—1774), генералъ-поручикъ. Возвысился изъ званія простаго кафе-шенка при дворѣ Елисаветы Петровны.

въ теченіе двухъ дней пользовавшійся потайнымъ ходомъ, который ведетъ изъ комнатъ Императрицы въ помѣщеніе камергера Шувалова, увидѣвъ, что тетка его скончалась, вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ находились новые фавориты,—князь Трубецкой¹⁾, г. Глѣбовъ²⁾ и другіе, чтобы сообщить имъ объ этомъ важномъ событіи. Тогда князь Трубецкой палъ передъ нимъ ницъ, провозгласилъ его Императоромъ и, поднявъ руку, первый принялъ присягу. Его примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе, числомъ отъ десяти до двѣнадцати человекъ. Императоръ, сопровождаемый ими, направился въ залу, гдѣ уже находился сенатъ въ полномъ своемъ составѣ и другіе вельможи. Впереди Императора шелъ князь Трубецкой; въ энергическихъ выраженіяхъ онъ объявилъ именитому собранію о томъ, что Императрица Елисавета скончалась и что ея племянникъ—Петръ III, давно предназначенный быть ея преемникомъ, взшелъ на престолъ и что онъ и вся свита уже присягнули новому Императору; тогда все собраніе, поднявъ руку по мѣстному обычаю, безъ чтенія присяжнаго листа, присягнули новому Императору, затѣмъ впустили для принятія присяги избранныхъ лейбъ-кампанцевъ, среди которыхъ было нѣсколько человекъ, участвовавшихъ въ революціи, возведшей покойную Императрицу на престолъ.

Послѣ этого Императоръ прошелъ, въ сопровожденіи первыхъ вельможъ, къ гвардейскому караулу, гдѣ преклонили передъ нимъ, въ знакъ своего вѣрнопопданничества, знамена и солдаты три раза прокричали: „да здравствуетъ новый Императоръ Петръ III“,—здѣсь это равносильно присягѣ.

Когда эта церемонія была окончена, Императоръ сѣлъ на лошадь, уже сутки стоявшую подъ сѣдломъ, и проѣхалъ по фронту четырехъ гвардейскихъ полковъ, которые, впрочемъ, собраны были не въ полномъ составѣ, такъ какъ отъ каждаго полка было лишь по одному батальону, всего приблизительно до трехъ тысячъ человекъ. Изъ Преображенскаго полка явились роты гренадеръ и бомбардирская; на нихъ

¹⁾ Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой (1699—1767), генералъ-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи, креатура Бирона, извѣстный своей жестокостію и корыстолюбіемъ.

²⁾ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, генералъ-прокуроръ, изъ темныхъ дѣльцовъ возвысившійся до этого званія вслѣдствіе брака своего на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы, Маріи Симоновнѣ Гендриховой, въ 1-мъ бракѣ Чоглоковой, страстно въ него влюбившейся. При Екаторинѣ онъ былъ отставленъ за взятки и поборы.

и на конную гвардію Императоръ, какъ говорятъ, надѣялся больше всего. Поручикъ князь Голицынъ, бывшій въ этотъ день въ караулъ, выстроилъ эти двѣ роты, безъ вѣдома своего капитана, прежде чѣмъ стало извѣстно о кончинѣ Императрицы — въ то время, когда внутри дворца вельможи принимали присягу, — чѣмъ онъ и заслужилъ себѣ повышение и орденъ Александра Невскаго ¹⁾).

Когда Императоръ, при радостныхъ крикахъ солдатъ, объѣхалъ войска, командовавшій этими войсками генераль-поручикъ отъ имени всей гвардіи поздравилъ Императора и сказалъ, что теперь они могутъ умереть спокойно, такъ какъ исполнилось то, чего они, въ теченіе тридцати лѣтъ, такъ сильно желали, а именно имѣть своимъ шефомъ Императора.

Нельзя достаточно надивиться тому, съ какимъ полнымъ порядкомъ, съ какой быстротой и спокойствіемъ все здѣсь произошло и какъ предусмотрительны, осторожны и разумны были всѣ мѣры, предпринятыя для того, чтобы обезпечить успѣхъ этой важной перемѣны. Я полагалъ, что большую долю участія имѣла въ этомъ Императрица, но меня увѣряютъ, что все это надо приписать исключительно вліянію и распорядительности князя Трубецкого, Глѣбова и Мельгунова ²⁾; они всѣ трое — люди съ умомъ и способные на смѣлыя предпріятія.

На другой день послѣ своего восшествія на престолъ, Императоръ давалъ обѣдъ всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ, на третій день — вельможамъ первыхъ четырехъ классовъ и, наконецъ, на четвертый — офицерамъ своего голштинскаго корпуса, число которыхъ, сравнительно съ числомъ солдатъ, очень значительно.

Должность подполковника Преображенскаго полка, которую занималъ Императоръ, будучи великимъ княземъ, теперь передана фельдмаршалу князю Трубецкому. Шефомъ кадетскаго корпуса, обязанности котораго Его Императорское Величество также благоволилъ исполнять, предложено было быть, какъ говорятъ,

¹⁾ Князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ, родной дядя извѣстной своими „Записками“ графини Варвары Николаевны Головиной, р. 1731 г., † 1798. По возвращеніи Петра III, онъ уволенъ былъ въ отставку, но Павелъ I возвратилъ его на службу съ чиномъ генераль-отъ-инфантеріи. При Павлѣ же кн. И. Ѳ. Голицыну пожалованъ былъ Александровскій орденъ. Гакстгаузенъ, сообщая о пожалованіи ему этого ордена, подразумѣвалъ, вѣроятно, любимый Петромъ III голштинскій орденъ св. Анны I-й степени.

²⁾ Мельгуновъ, Алексѣй Петровичъ, генераль-поручикъ, любимецъ Петра III (1722—1788). при Екатеринѣ ярославскій генераль-губернаторъ.

камергеру Шувалову, но онъ отказался, настаивая на полной отставкѣ, которая теперь, какъ полагають, будетъ ему дарована.

Графа Петра Шувалова ¹⁾ вчера соборовали; врачи говорятъ, что часы его сочтены. Бригадиръ графъ Брюсъ ²⁾ назначенъ маіоромъ Измайловскаго полка и получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

Французская драматическая труппа, которую содержалъ дворъ, будетъ отпущена.

Сегодня день новаго года по старому стилю. Ихъ Величества принимали поздравленія, приносимыя по этому случаю только отъ русскихъ вельможъ и мѣстной знати.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ (1711—1762) возвысился женитьбой своей на подругѣ Императрицы Елисаветы, Мавръ Егоровиъ Шепелевой, и поддержкой племянника своего, фаворита Императрицы И. И. Шувалова. Прославился необычайной даже для того время стяжательностію, пользуясь для этой цѣли монополіями и откупами.

²⁾ Графъ Брюсъ, Яковъ Александровичъ (1729 — 1791), впоследствии генералъ-аншефъ, московскій генералъ-губернаторъ. Жена его, графиня Прасковья Александрова, сестра графа Петра Александровича Румянцова, пользовалась дружбой Императрицы Екатерины II.